

ДОКЛАД МЕЖДУНАРОДНОГО ДИСКУССИОННОГО КЛУБА «ВАЛДАЙ»

Валдай | Международный
дискуссионный клуб

www.valdaiclub.com

КАК ВАЖНО БЫТЬ СЕРЬЕЗНЫМ:

МИР НА ГРАНИ НЕПОПРАВИМОГО

**Олег Барабанов, Тимофей Бордачёв, Ярослав Лисоволик,
Фёдор Лукьянов, Дмитрий Сулов, Андрей Сушенцов, Иван Тимофеев**

МОСКВА, ОКТЯБРЬ 2017

Авторский коллектив:

Олег Николаевич Барабанов

программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай», профессор РАН, профессор Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, доктор политических наук

Тимофей Вячеславович Бордачёв

программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай», директор Центра комплексных европейских и международных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», кандидат политических наук

Ярослав Дмитриевич Лисоволик

программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай», главный экономист в Евразийском банке развития, доктор экономических наук

Фёдор Александрович Лукьянов

руководитель авторского коллектива, директор по научной работе Фонда развития и поддержки Международного дискуссионного клуба «Валдай», главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», председатель президиума Совета по внешней и оборонной политике

Дмитрий Вячеславович Суслов

программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай», заместитель директора Центра комплексных европейских и международных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Андрей Андреевич Сушенцов

программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай», руководитель аналитического агентства «Внешняя политика», доцент кафедры прикладного анализа международных проблем Московского государственного института международных отношений (Университета) Министерства иностранных дел Российской Федерации, кандидат политических наук

Иван Николаевич Тимофеев

программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай», директор программ Российского совета по международным делам (РСМД), кандидат политических наук

ISBN 978-5-906757-68-5

Содержание

Структура созидания	3
В плену у «домашних заданий»	6
Стратегическая фривольность и политическое кабаре	6
«Потребление безопасности» вместо «производства»	8
Урок без учителя	10
И снова суверенитет	12
Не догма, а руководство к действию	14
Неделимость как ценность	17

Структура созидания

Осознание того, что конфликт может носить созидательную природу, отнюдь не ново. Еще Гераклит утверждал, что «следует знать, что война всеобща и что правда – борьба и что все происходит через борьбу и по необходимости». Довольно существенно развил эту мысль в дальнейшем Платон, а про Гегеля можно даже и не говорить: его философия истории во многом и основана на понимании природы и путей развития конфликтов, борьбы противоположностей.

Другой вопрос в том, и с этим столкнулся Гегель, что не всякий конфликт созидателен, что для созидательности конфликты, противоречия должны пониматься и преодолеваться разумно. Причем по мере всемирно-исторического процесса разумность людей должна возрастать, то есть творческое, развивающее начало конфликтов необходимо будет усиливаться.

Увы, твердой уверенности в том, что разумность истории возрастает, нет. Более того, мы видим сегодня дробление, размельчение конфликтов, сочетание противоречий самой разной размерности, самой разной природы.

В каком-то смысле разрушение советской системы хаотизировало систему конфликтов. Дело в том, что противостояние капиталистической и социалистической систем было во много системным противостоянием. В сущности, обе системы – во всяком случае на словах – сходно понимали желаемое будущее, описывали его в очень близких системах координат: прав человека, технического прогресса, качества жизни и так далее. Более того, обе системы настаивали на разумности истории, на том, что сознательный человек может и должен управлять историческим процессом, то есть своим будущим. В сущности, непримиримый спор шел о методах достижения этого будущего-

го. Характерно, что и иные конфликты были как бы иерархически встроены в этот основной, системный конфликт.

Сегодня же кажется, что конфликты образовали причудливую, трудно понимаемую головоломку, что о разумности в применении к этим конфликтам можно говорить с трудом. Сепаратизм, религиозные распри, социальные противоречия, чудовищные диспропорции в технологическом развитии и многое другое. А о более или менее сходно понимаемом будущем можно не говорить.

Увы, нет единства в понимании причин нынешней эволюции человечества. Возможно, проблема лежит куда глубже, чем драматические геополитические изменения. Возможно, ее корни можно разглядеть еще в послевоенном брожении умов, в развитии, к примеру, постмодернизма, который сознательно занимался деструкцией всяких рациональных целей развития. Возможно, роковую роль сыграли новые технологии, прежде всего коммуникационные. А может многое другое, но еще скорее – все вместе.

Но иного выхода кроме рационального анализа этого мира, его противоречий, их гипотетической созидательной сущности у нас нет. История должна быть разумной. И наш доклад – одна из попыток постичь происходящее разумно. Созидание должно быть осмысляемым. В общем, созидательное разрушение – возникнет ли из конфликтов новый мировой порядок?

*Андрей Георгиевич Быстрицкий,
Председатель Совета
Фонда развития и поддержки
Международного дискуссионного
клуба «Валдай»*

Посему да рассеются все пророки, проповедующие народу Христову: «Мир, мир!», а мира нет.

Мартин Лютер,
тезис 92 из «Диспута, касающегося покаяния и индульгенций»,
текст которого был, согласно легенде, вывешен 31 октября 1517 г.
на двери Замковой церкви в Виттенберге

Факт, который мы не можем игнорировать, заключается в том, что завтра – это уже сегодня. Сейчас – это неотложная срочность... Жизнь зачастую оставляет нас босыми, голыми и подавленными тем, что возможности упущены. У нас еще есть выбор: сосуществование без насилия или силовое уничтожение друг друга. Пора перейти от бездействия к действию.

Мартин Лютер Кинг,
«После Вьетнама – время прервать молчание»,
речь, произнесенная 4 апреля 1967 г. в нью-йоркской церкви Риверсайд

У Соединенных Штатов много сил и терпения, но если Америку вынудят защищаться или защищать своих союзников, у нас не останется выбора, кроме как полностью уничтожить Северную Корею.

Дональд Трамп,
из речи перед Генеральной ассамблеей Организации Объединенных Наций
19 сентября 2017 г.

Пятьсот лет назад, поздней осенью 1517 г., 34-летний саксонский профессор теологии Мартин Лютер обнародовал 95 тезисов против папской буллы об «Оказании содействия построению храма св. Петра и спасения душ христианского мира», разрешавшей продажу индульгенций. Спор о сущности покаяния и искупления не только привел к одному из наиболее значимых религиозных расколов в истории, он стал катализатором фундаментальных политических сдвигов. За богословским диспутом скрывалось формирование другой системы европейской политики (а в те времена она практически была синонимом мировой).

Наступала новая эпоха. Время универсализма, когда Европа осмысляла себя через общую религию, сменялось эрой национальных самоопределений, оформлением пространства национальных интересов.

Лютера предвосхитил Иоганн Гутенберг, отец медиареволюции позднего Средневековья. Книгопечатание дало толчок распространению общего знания, но первым бестселлером, говоря современным языком, стал лютеровский перевод Библии на немецкий язык. Основополагающее, единое для всех Писание получало национальную форму и трактовку. Изложенное на языке масс, оно обрело дополнительное содержание.

Европу ждали почти полтора столетия потрясений, религиозной розни, Тридцатилетняя война, прежде чем в международных отношениях возник новый порядок – Вестфальская система. Ее сердцевиной стало понятие государственного суверенитета, и за прошедшие почти 370 лет, несмотря на бесчисленные катаклизмы, базовый принцип не изменился.

Любые исторические аналогии ущербны, а зачастую и опасны, в прошлом не найти ответов для будущего. И все же некоторые параллели можно разглядеть. Как и тогда, завершается период универсальности (правда, гораздо более короткий) – торжества представления о том, что проблемы целостного мира должны решаться не просто общими усилиями, но и с единых мировоззренческих позиций. В центре внимания снова вопрос суверенитета, как его осуществлять во взаимосвязанном мире, где технологии и глобальные явления стирают границы, но иных структурных единиц, кроме «старого доброго» государства не изобрели. И снова в высшей степени актуален вопрос о единстве понимания. Насколько массы и элиты говорят на одном языке, адекватно ли друг другу они воспринимают происходящее? Насколько одни и те же понятия имеют одинаковый смысл в разных политических системах?

В докладах Валдайского клуба¹ мы не раз обращались к теме правил и норм, универсального и самобытного, к взаимоотношениям «верхов» и «низов», пытались понять, возможен ли баланс в мире, где действует множество игроков разного калибра, веса, характера и политической культуры. Ответов на вопросы, которые мы ставили в предшествующие годы, пока не появилось, но направление движения, только намечавшееся три года назад, стало более определенным. В этом докладе мы постараемся сформулировать его.

¹ «Новые правила или игра без правил». Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Москва, март 2015 г. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/reports/novyepравила-ili-igra-bez-pravil/>;
 «Война и мир XXI века. Международная стабильность и баланс нового типа». Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Москва, январь 2016 г. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/reports/voyna-i-mir-xxi-veka-mezhdunarodnaya-stabilnost-i-/>;
 «Глобальный бунт и глобальный порядок. Революционная ситуация в мире и что с ней делать». Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». Москва, февраль 2017 г. URL: http://ru.valdaiclub.com/a/reports/globalnyy-bunt-globalnyy-poryadok/?sphrase_id=18246

В плену у «домашних заданий»

Последний раздел прошлогоднего доклада Валдайского клуба назывался «Время “домашних заданий”». Международные процессы столкнулись с внутренними ограничителями – сопротивлением населения ведущих стран все более глобальной повестке, которой руководствовались их правящие классы. «Явно назрело “водное перемирие”, чтобы заняться собственными внутренними делами», – писали мы год назад.

Реальность превзошла ожидания, настолько рьяно некоторые из крупных держав взялись выполнять «домашние задания» в ущерб всему остальному. Лозунг «Америка прежде всего», с которым Дональд Трамп победил на выборах 2016 г., стал боевым кличем победы внутреннего над внешним. «Домашние задания» оказались сложнее, чем думали вначале, и их выполнение (а в ряде случаев – жесткое столкновение представлений о том, как именно их выполнять) поглотило внимание и энергию ведущих государств. Эгоизм становится доминирующим подходом.

Причины объяснимы. Общества недовольны, растеряны, смущены, напуганы. Созрел запрос на действие: быстрые и решительные меры на ближайшем к гражданам уровне –

на уровне каждого отдельного государства. Вне зависимости от политической модели, лица, принимающие решения в России, США, Китае, Индии или Великобритании, находятся под возрастающим прессом общественного мнения, умноженным современными средствами массовой коммуникации. В соответствии с классической формулой Маршалла Маклюэна, медиа превращаются не просто в проводника, а в создателя и содержание информации. Это ощущают на себе все политики без исключения. Как показывает опыт XIX–XX вв., давление снизу неизбежно ведет к росту национального эгоцентризма и снижению значимости внешних факторов. Проще говоря, всякий политический деятель озабочен сохранением своих позиций, а внутренние угрозы с этой точки зрения много опаснее внешних, поэтому их нейтрализация всегда будет приоритетом.

Искомое «водное перемирие» не наступает. Предположение, что фиксация на внутренних задачах снизит внешнюю активность игроков, не оправдывается. Даже наоборот, международные действия теперь – инструменты достижения домашних целей, шаги вовне все более ситуативны, импульсивны, что только усугубляет всеобщую нестабильность.

Стратегическая фривольность и политическое кабаре

Мир возвращается к эпохе явной и довольно беззащитной конкуренции. Это не ново и не смертельно – человечество накопило опыт управления соперничеством и достаточно знаний о том, как снижать риски. Осо-

бенно если у штурвала ведущих держав – более или менее рациональные «капитаны», способные вести торг и договариваться. Сила – лишь один из инструментов. Для получения очков достаточно ее наличия, тогда

как использование можно и нужно ограничить.

Но сейчас рациональность – дефицитный товар, а мировая политика приобретает черты бесшабашного кабака. Эгоизм образца XXI века опасен тем, что сохраняется инерция предшествующего периода – эпохи легкомыслия, когда иллюзия «конца истории» и наслаждение «мирным дивидендом» привели самые могущественные державы планеты к расслабленному самодовольству, а иногда даже и к утра-

те чувства самосохранения. Это выражается, в частности, в вакханалии троллинга, ставшего едва ли не официальным языком дипломатии.

Непоправимое невозможно. Такое подспудное убеждение пришло на смену неизбывной тревоги, которую политическое сообщество испытывало на протяжении холодной войны и принимало меры, чтобы непоправимое не случилось. Страх большой войны, который в разные эпохи служил естественным ограничителем амбиций (как мы знаем, не абсолютным), уступил место

МИГРАЦИОННЫЙ ПОТОК ИЗ МУСУЛЬМАНСКИХ СТРАН И МНЕНИЕ ЕВРОПЕЙЦЕВ

«Миграционный поток из преимущественно мусульманских стран следует остановить»

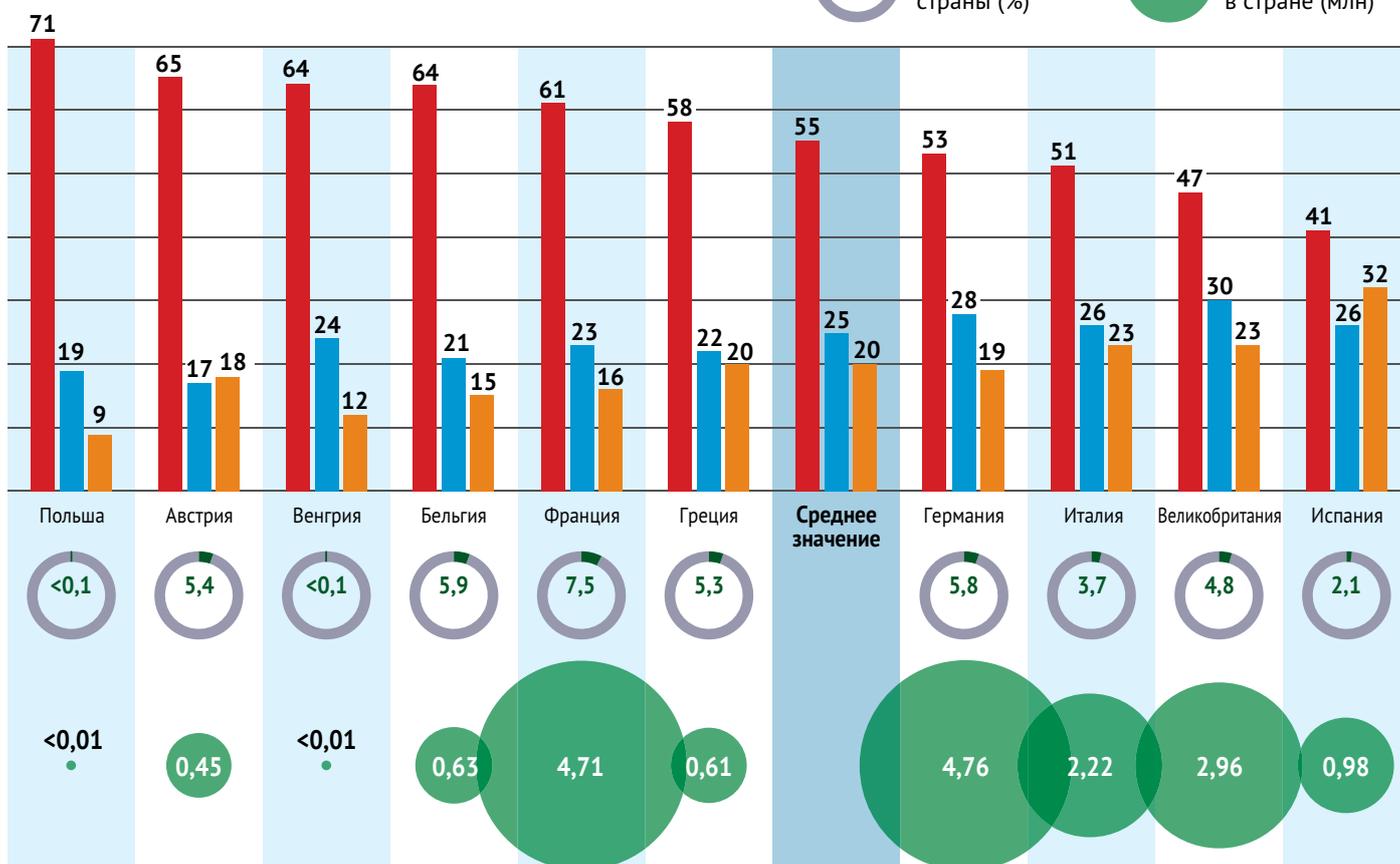
(%) ■ Согласны ■ Не определились ■ Не согласны

*Доля мусульман в населении страны (%)

*Количество мусульман в стране (млн)

Источник: Chatham House, Pew Research Center.

*Данные по населению до миграционной волны 2015.

уверенности, что такой войны быть не может – благодаря ядерному оружию, всеобщей экономической взаимозависимости, из-за отсутствия состоятельных претендентов на мировое господство.

Отсюда «стратегическая фривольность», все более заметная в мировой политике, – готовность создавать рискованные ситуации в угоду сиюминутным тактическим интересам. Подобный настрой стал следствием гигантского дисбаланса сил, возникшего после крушения Советского Союза. По окончании холодной войны США и их европейские союзники, лишившись противовеса, могли позволить себе практически все, что считали нужным и правильным. И в течение какого-то времени это не вело к непосредственному росту всеобъемлющей угрозы. Точно так же агрессивная политика античного Рима времен расцвета не вела к мировой войне, потому что воевать было не с кем.

Однако сейчас соотношение сил изменилось. Действия, которые 20-25 лет назад остались бы локальными по своим последствиям, способны перерасти в глобальную коллизию. Увеличилось количество игроков, способных спро-

воцировать большую войну. С одной стороны, сами крупные державы, сталкиваясь с резкими действиями контрагентов сопоставимого калибра, прочерчивают «красные линии», переход которых влечет не менее резкий ответ². С другой, некоторые малые и средние страны в Восточной Европе, Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии строят свою политику на основе конфликта, а не сотрудничества. И способны сыграть ту же роль, что и небольшие балканские государства в развязывании Первой мировой войны.

Ситуация вокруг Северной Кореи, например, напоминает «войну по доверенности» (proxy war) наоборот. Не крупные акторы используют мелких, чтобы выяснять отношения их руками, а Пхеньян совершает провокации, полагая, что в случае резкого обострения большие соседи (Россия и Китай) будут вынуждены за него заступиться, чтобы не допустить укрепления позиций глобального конкурента (США). Иными словами, причиной катаклизма может стать не столкновение сильнейших за доминирование, а действия третьей страны, решающей свои собственные, иногда весьма местечковые, задачи.

«Потребление безопасности» вместо «производства»

Деградация институтов безопасности происходила постепенно. Удар по ним нанес отказ от уважения суверенитета и допущение вмешательства во внутренние дела государств по гуманитарно-политическим причинам. Следующим шагом стало распространение проектного подхода к отношениям – союзам, партнерствам, блокам (everything transactional). Апофеоза это достигло при До-

нальде Трампе, но сам принцип провозглашен много раньше министром обороны США Дональдом Рамсфельдом.

² Наиболее очевидный пример – ситуация с Украиной в 2014 г., когда Россия сочла, что линия пересечена и ответила максимально решительно. Другой потенциальный очаг – Восточная Азия, где Китай напряженно следит за развитием региональных кризисов и вовлечением в них США.

Причины сегодняшнего эгоизма не в осознании недостатка безопасности, когда каждому приходится быть самому за себя, а в ощущении ее избытка. Дух потребления, свойственный современному обществу, охватил и сферу международных отношений. Двадцать первый век стал временем растущего потребления безопасности и спада ее «производства».

Холодная война, о которой сейчас так любят вспоминать, была неоднородным периодом, на разных отрезках фиксировалась различная динамика. Кульминацией стала осень 1962 г., когда конфликт из-за намерения СССР разместить ядерное оружие на Кубе едва не привел к войне между Москвой и Вашингтоном. Драматичность тогдашних событий придала им огромное «образовательное» значение (*educative experience of crisis*). Противостоящие стороны осознали цену и возможные последствия столкновения, что заставило впредь действовать более осмотрительно, избегать ситуаций, которые могут вести к неконтролируемой эскалации.

Речь шла не о примирении или прекращении соперничества, но об установлении его рамок и понимании по-настоящему «красных» линий.

Сейчас трудно оценить, есть ли у ведущих политических игроков такое понимание. Пока кажется, что все они скорее верят в возможность управляемой дестабилизации, когда локальные конфликты становятся способами выяснения отношений «грандов». Такой подход тоже совсем не новость, подобное случалось и в период холодной войны, в том числе после Карибского кризиса. Но тогда сверхдержавы были почти уверены, что способны регулировать накал напряженности «на местах» и следить за соответствием сценария их интересам.

Сегодня «хвосты» научились виртуозно вилять «собаками», и дело не во внезапно обретенной отроутками мощи, а в предельно разбалансированной общей обстановке и неупорядоченных отношениях больших стран. Раз за разом «управляемая дестабилизация» превращается

ПОДДЕРЖКА ИДЕИ ВЫХОДА ИЗ ЕС

Источник: Pew Research Center.

в бесконтрольные «гибридные» противостояния. Опасность гибридности в том, что она по определению асимметрична – и по целям, и по средствам. А ее основным орудием является непредсказуемость, способность ответить

на действия оппонента не зеркально, а как раз там, где он не ждет. По сравнению с этим холодная война с ее «контролем над вооружениями» и «ограничением потенциалов» выглядит подкупающе простой и понятной.

Урок без учителя

Деградация системы правил и институтов, сложившихся в период холодной войны и по ее завершении, отчасти отбрасывает международную систему в довьильсоновскую эпоху слабой формальной и неформальной управляемости в мировой политике и экономике. Это многократно повышает требования к качеству внешней политики государств и международных акторов, которые могут повлиять на условия жизни человечества. Однако для каждого из значительных мировых игроков характерно внутреннее противоречие между формальным статусом и способностью ему соответствовать. У них не хватает ресурсов – нематериальных в одних случаях и материальных в других. Вернулся мир государств, но они, даже те, кто страстно желал возвращения к «классике», оказались к этому не готовы.

Соединенные Штаты исчерпали возможности проводить курс на полноценное мировое доминирование, однако остались сильнейшей в военном и экономическом отношении державой. США начали фундаментальный переход от «глобальной ответственности» и универсалистского гегемонизма к положению «великой державы», сосредоточенной прежде всего на собственных интересах, внутриполитических соображениях, а не на задачах обеспечения международного порядка в целом.

Это делает внутренние сложности, с которыми сталкивается Америка, угрожающими для остального человечества. Трамп, как следует из наблюдений за динамикой американского политического процесса, не причина, а лишь утрированное проявление объективной тенденции.

Пекин вынужден выходить из тени и играть более решительную роль в мировых делах. Но он не накопил достаточно ресурсов – экономических и политических – чтобы вести за собой и внушать другим доверие к собственным намерениям. Соседи Китая опасаются его роста. По ряду признаков можно предположить, что КНР приближается к исчерпанию ресурсов политической модели, принципы которой были заложены в конце 1970-х – начале 1980-х гг., и предстоит непростой переход.

Европейский союз стоит перед необходимостью переосмыслить интеграционный проект. Даже преодолев рано или поздно системный кризис, ЕС в силу внутренних структурных особенностей (все больше «Европы государств») вряд ли станет полноценным глобальным игроком. Но его фактическое влияние, особенно на сопредельных территориях, останется значительным, что в условиях обостряющейся конкуренции ведет не к «экспорту стабильности»,

а к стимулированию конфликтов на европейской периферии.

В центре европейской трансформации – Германия, которая выталкивается на лидирующую роль отчасти вопреки собственным желаниям. Сохранение и укрепление Европейского союза представляется германским политикам единственным способом обеспечить стабильное политическое и экономическое развитие своей страны, гарантией, что фатальный для них «германский вопрос» не проявится вновь. Однако и здесь противоречие между внешними задачами и внутренним состоянием бросается в глаза. Германии необходимо взять на себя ответственность за изменения в Евросоюзе, однако настроения граждан, если судить по результатам недавних выборов, не особенно благоприятствуют переменам – большинство населения опасается, как бы отказ от статуса не случился к худшему, а не к лучшему.

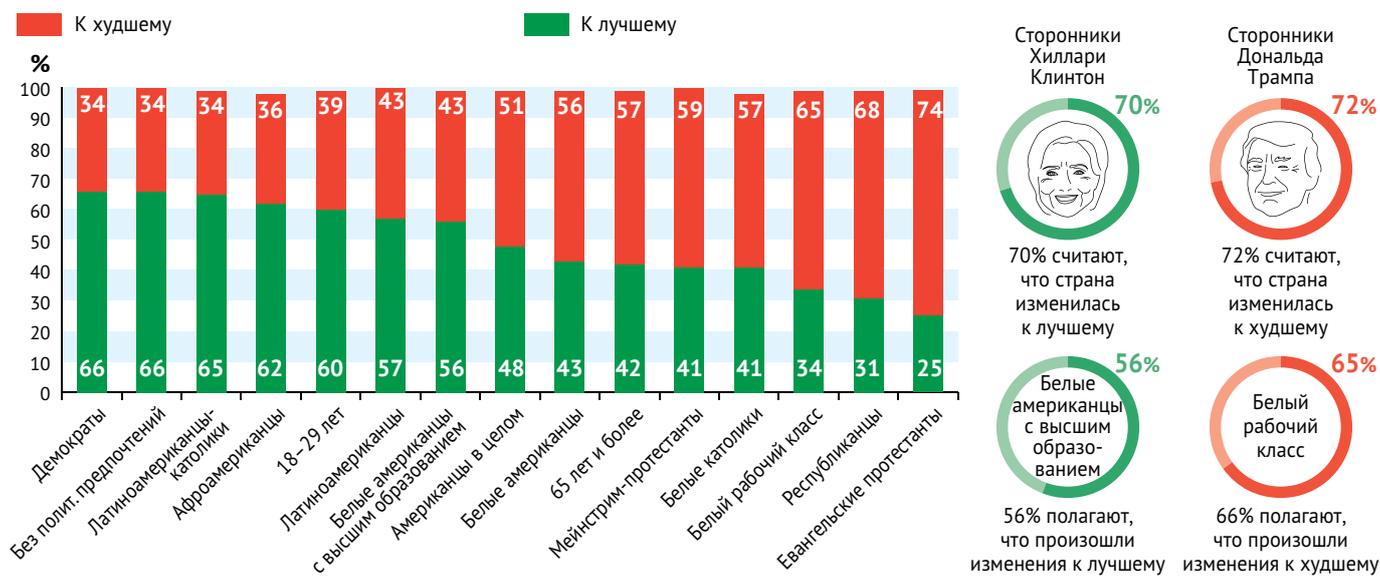
Россия испытывает серьезные проблемы, связанные с ее шаткой демографией и хрупкой структурой экономики. Это резко сужает возможности внешнего влияния, расширившиеся в последние годы благодаря наращиванию военно-политического потенциала. И не позволяет в полной мере рассчитывать на успех консервативной международной повестки, которую Москва хотела бы продвигать. Кроме того, Россия нуждается в формулировании новой модели развития, поскольку до сих пор отправной посылкой служило стремление преодолеть последствия распада СССР, сейчас же мир изменился настолько, что необходима совсем другая точка отсчета.

Глобальные амбиции Индии зависят от того, насколько ей удастся закрепить лидирующую роль в регионе, однако там ситуация скорее запутывается. Южная Азия стала одним из клубков острых противоречий между крупнейшими

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ ГЛАЗАМИ АМЕРИКАНЦЕВ

Ностальгия по 1950-м

«Считаете ли вы, что американская культура и образ жизни во многом изменились к лучшему начиная с 1950-х или же к худшему?»

Источник: Public Religion Research Institute (PRRI).

* Опрос проведён перед президентскими выборами 2016.

мировыми державами. Дели пока не удалось мобилизовать широкую и действенную международную поддержку своего курса и убедить ведущих контрагентов в способности играть по настоящему мировую роль.

Под вопросом даже единство Запада. Направления движения Старого и Нового Света расходятся. США и Великобритания продемон-

стрировали, что готовы ставить национальные интересы выше коллективных обязательств и союзнических отношений. Принцип «Америка превыше всего», порожденный обострением противоречий внутри американского общества, становится универсальным императивом. Оставшиеся без классного руководителя ученики наотмашь соревнуются, кто лучше выполнит свое «домашнее задание».

И снова суверенитет

Едва ли не единственное, что сохранилось от международной архитектуры XX века, – Организация Объединенных Наций и ее Совет Безопасности, которые возвышаются над возвращающейся международной анархией как одинокая башня относительной системности. Твердыня мощна, но едва ли стоит считать ее несокрушимой. С одной стороны, растет брожение «масс» по поводу неравноправия: инициативы отменить или ограничить право вето пользуются широкой популярностью – неприятный звонок для постоянных членов Совбеза. С другой Соединенные Штаты не раз ставили вопрос о необходимости решительно разобраться с неэффективностью организации, но сейчас риторика вышла на новый уровень. Когда с трибуны Генеральной Ассамблеи глава одного суверенного государства-члена ООН заявляет о готовности уничтожить другое суверенное государство-член – это беспрецедентно (см. цитату, вынесенную в эпиграф).

Приведенный эпизод возвращает к коренной проблеме международных отношений – о значении и содержании суверенитета и о принци-

пах взаимодействия суверенных государств. Тема, уходящая корнями в эпоху Мартина Лютера, снова предельно актуальна.

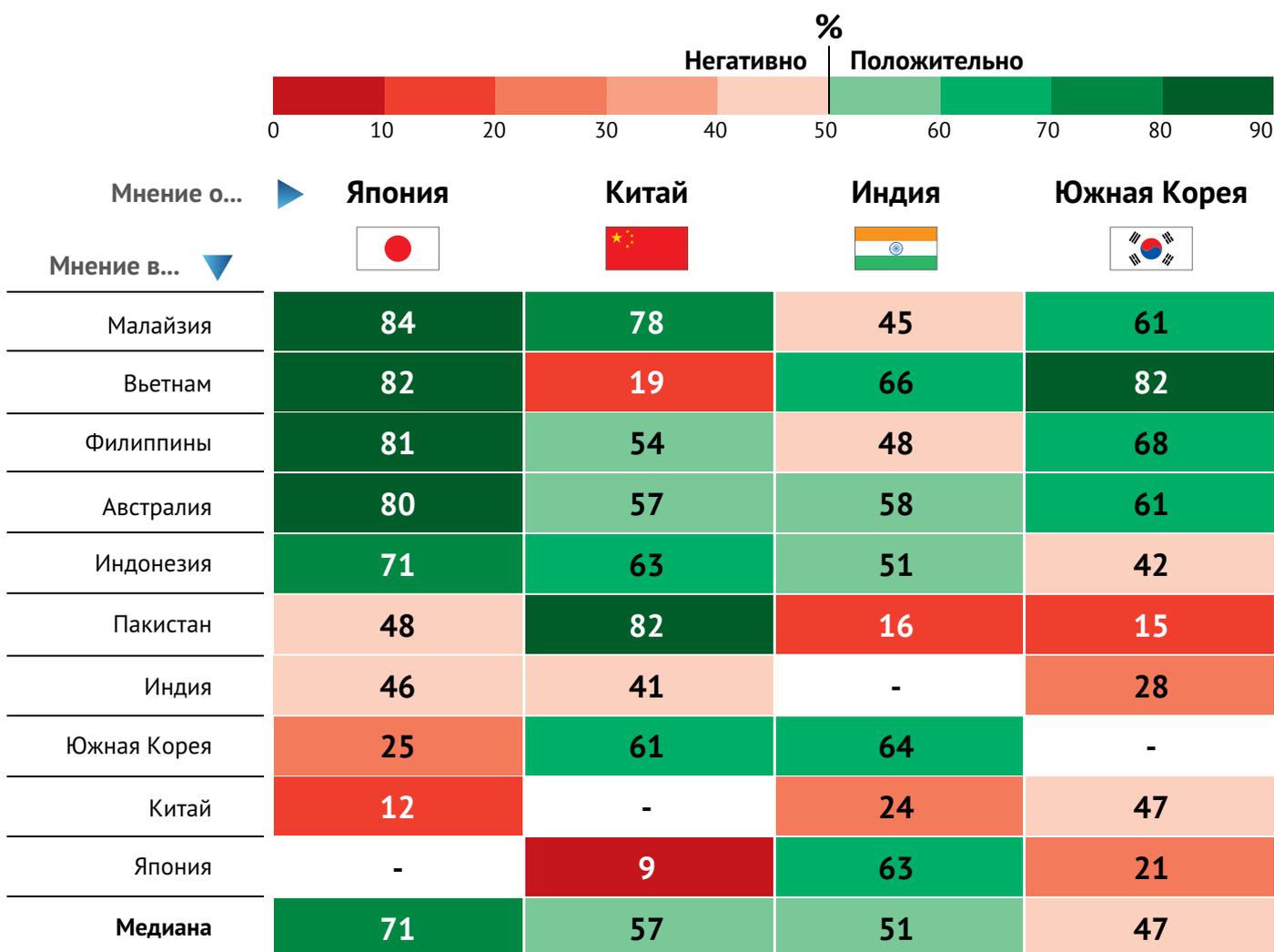
За четверть века после завершения холодной войны интенсивные процессы глобализации и нарастание всеобщей взаимозависимости привели к тому, что идея межгосударственного сотрудничества в целях следования общим глобальным интересам оттеснила на второй план традиционную реалистскую стратегию. Согласно последней, определяющей является борьба за национальные интересы и необходимость достижения баланса, что не обязательно означает конвергенцию этих интересов. Дилемма между суверенитетом и взаимозависимостью государств решалась однозначно в пользу взаимозависимости. На рубеже веков в рамках неолиберальной школы появился ряд концепций «гибкого суверенитета» (наиболее показательны работы Стивена Краснера). Дискуссии об «эрозии суверенитета», «ограниченном суверенитете», «суверенитете не как праве, а как ответственности» логично подводили к выводу о неизбежном отказе

от Вестфальской системы, как минимум, о кризисе Вестфалья. Такие представления вышли за рамки неолиберальной школы и стали широко восприниматься как данность глобальной политики, признаваемая и разделяемая всеми, кроме «мастодонтов», застрявших в XIX веке.

«Трампизм» с его рефреном про национальные интересы продемонстрировал резкий

разворот от представления о том, что в глобальной политике XXI века размытие государственного суверенитета необратимо. Соответственно, принципы Вестфальской модели мира – не реликт прошлого, а по-прежнему основополагающий элемент мировой повестки дня. Все это делает необходимым переосмысление вестфальских принципов для современных условий продолжающейся экономической глобализации.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В СТРАНАХ АЗИИ В ОТНОШЕНИИ ДРУГ ДРУГА

Источник: Pew Research Center.

Не догма, а руководство к действию

Чтобы лучше понять, каким мог бы быть новый Вестфаль, имеет смысл вспомнить ключевые параметры Вестфалья классического и оценить их применимость.

Вестфальский мир состоит из суверенных государств, в нем нет единой высшей власти и отсутствует принцип универсалистской иерархии в управлении.

По причине отсутствия этой глобальной высшей власти он базируется на принципе суверенного равенства государств и, как следствие, их невмешательства в дела друг друга.

Вестфальский мир регулируется международным правом, понимаемым как право договоров

суверенных государств между собой. В таком международном праве по определению не может быть обязательных для всех общих «законов».

Отсюда следует, что только суверенные государства могут выступать субъектами международного права и только они являются признанными акторами в глобальной политике.

А раз нет высшей власти, и никто не может вмешиваться во внутренние дела, суверенное государство обладает неограниченной полнотой власти на своей территории над своими гражданами.

Именно пятый элемент подвергся наибольшей эрозии на рубеже XX–XXI вв. Принципу пол-

Вестфальская модель мира получила название от Вестфальского мира 1648 г., точнее говоря, двух мирных договоров, подписанных в вестфальских городах Мюнстере и Оснабрюке, которыми завершилась Тридцатилетняя война 1618–1648 гг., первая общеевропейская. Ее причины и содержание во многом связаны с конфликтом между католиками и протестантами в рамках Священной Римской империи. До Тридцатилетней войны и в ее время император как носитель высшей власти в империи, будучи католиком, старался противодействовать тому, чтобы в отдельных частях его империи (формально подчиненных ей герцогствах, графствах и пр.) в качестве

официальной религии вводились те или иные виды протестантизма. После же окончания войны был закреплен принцип «*cuius regio, eius religio*» («чья власть – того и вера»), позволивший отдельным частям империи самим регулировать выбор конфессии. Такой подход получил название принципа «религиозного суверенитета». Но он не ставил под сомнение целостность империи. И лишь позднее, ретроспективно и аналитически этот принцип был распространен на все содержание политического суверенитета, заменив иерархический характер международных отношений в контексте Священной Римской империи (глобальной и универсальной по определению). Порядок, когда над отдельными государствами признавалась высшая («глобальная») власть императора, сменился принципиально новой политической ситуацией, когда никакой высшей всемирной власти над государствами не было, и они были полностью самостоятельны (т.е. суверенны) в своих действиях. Таким образом, исторически формирование принципа суверенитета государств состояло как раз в отказе от принципа высшей власти над ними (условно, «глобального правительства» в современных терминах). Но в самих Вестфальских мирных договорах 1648 г. ничего этого не было. Там был только принцип религиозного суверенитета.

ноты власти государства над гражданами последовательно противопоставлялся принцип защиты прав человека, получавший универсалистское измерение. Отсюда вытекало и право на вмешательство во внутренние дела государств в целях/под предлогом защиты прав человека, что напрямую противоречило вестфальским постулатам.

Абсолютного воплощения нормы о неизбежности суверенитета не было никогда, формы вмешательства регламентировались и ранее. Но право на него могло быть санкционировано суверенной волей государств, которые подписали Устав ООН как обязательный договор международного права. Интервенции же рубежа веков не опирались на консенсус, а отражали волю, политические интересы и моральные оценки определенной группы государств, определивших себя флагманами исторического развития (отсюда рассуждения о «правильной» и «неправильной» стороне истории). Сейчас ситуация изменилась, прежде всего потому что мнение о «сторонах истории» поколебалось на Западе. Что же касается незападных стран, то там ревизия суверенитета никогда не пользовалась популярностью.

Либеральное мировое устройство (многие оспаривают факт того, что оно вообще состоялось как устойчивый политический порядок, но для простоты будем считать, что он существовал после конца холодной войны) подвергается ревизии с двух сторон и по несомпадающим мотивам. Не-Запад поддерживает классический формат Вестфалия, где: государство – полный хозяин в своих внутренних делах, никто не вправе вмешиваться, ни у кого нет морального превосходства, а обо всем остальном можно договариваться: правила игры, зоны интересов и т.д. Противники же либерального порядка на Западе, прежде всего меркан-

тилисты в США, выступают за возвращение к свойственному Вестфальской системе реалистскому подходу, но это наиболее brutальная форма реализма с силовым доминированием Соединенных Штатов.

Возвращение культа суверенности (а упомянутая речь Дональда Трампа в ООН, как и его инаугурационное послание в январе, – просто так гимн национальным интересам) в условиях по-прежнему подавляющего доминирования Соединенных Штатов по всем показателям силы чревато осложнениями. Курс Дональда Трампа на продвижение интересов США де-факто означает усугубление американской исключительности, хотя и в другой интерпретации, чем та, которую проповедовал, например, Барак Обама.

Авторы доклада, конечно, не призывают вернуться в XVII век – это невозможно и не нужно. В мировой политике и так избыточно много ностальгических рефлексов, заменяющих реальные альтернативы. Вместо новой политической философии, ориентированной в будущее, мы слышим призывы припасть к корням, восстановить славное прошлое, исконные традиции. Но пути назад нет. Америка не «вернет себе величие» в духе пятидесятых годов прошлого века или девяностых – позапрошлого, о которых тоскует Дональд Трамп. Во Франции не появится личность калибра Шарля де Голля. Великобритании не суждено снова стать владычицей морей или главной торговой нацией мира. Россия не обратится Советским Союзом или Российской империей периода расцвета. Турция не соберет обратно Османское наследство. Список можно продолжать. И Вестфальский мир в его классическом понимании тоже невосстановим, слишком много объективных факторов, размывающих прежнее понимание суверенитета.

Но сомнению не подлежит и другое. Утопия «мира без государств», распространившаяся в конце XX столетия, не воплотилась в жизнь. Суверенное государство остается единственным структурным элементом международного устройства. Содержание, границы, сущность суверенитета в эпоху массовых миграций, диджитализации и тотальных коммуникаций подлежат критическому ана-

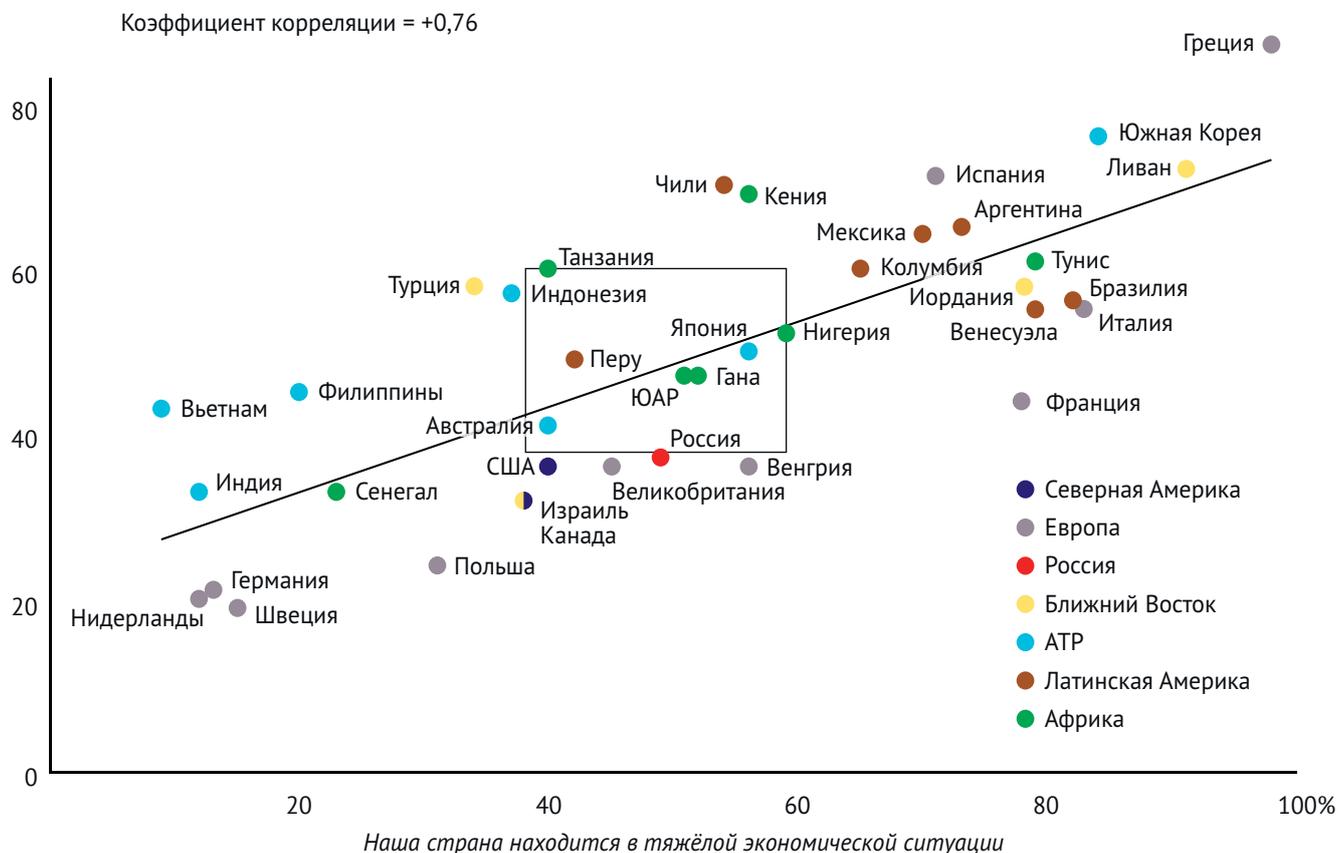
лизу и осмыслению. Но что бы ни включало в себя новое понимание суверенитета, без нахождения механизмов согласования интересов не обойтись – как внутри обществ, так и на межгосударственном уровне. А это значит, что к принципам Вестфальского мира придется вернуться как примеру того, как обеспечивать функционирование международной системы.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИКИ ПОД ДАВЛЕНИЕМ ГЛОБАЛЬНОГО ЗАМЕДЛЕНИЯ

Население переживающих экономические трудности стран склонно считать состояние мировой экономики своей главной угрозой

Состояние мировой экономики является главной угрозой нашей стране

100%

Источник: Pew Research Center.

Неделимость как ценность

Тревожное состояние мира должно побудить ответственные державы к действиям, стать стимулом к преодолению эгоистических инстинктов в пользу кооперативного подхода. Просто из соображений самосохранения. Выполнение домашних заданий сохраняет актуальность: не разрешив собственные глубокие проблемы, ни один из игроков не станет уделять достаточно сил и внимания общим вызовам. Но мы не вправе позволить себе откладывать взаимодействие до того времени, когда повсюду наступит гармония. Координация нужна сегодня.

Даже в условиях идейного разнобоя и упадка институтов наличие у России, США и Китая ядерного оружия колоссальной разрушительной силы возлагает на них наибольшую ответственность за мировые дела. Конечно, в нынешней международной атмосфере наивно ожидать прорыва в какой бы то ни было основополагающей договоренности, будь то Вестфаль, Вена, Сан-Франциско или Хельсинки. Но две цели ставить можно и нужно.

Во-первых, обуздание «стратегической фривольности», поддержание ведущими участниками международных отношений режима повышенной осторожности, в том числе и для того, чтобы не подавать дурного примера менее крупным странам.

Сюда же относится и необходимость расширять и совершенствовать понятие стратегической стабильности, в которое следует включить новые факторы – ПРО, милитаризацию космоса, цифровую среду. Нужно коллективно отрабатывать сценарии кризисов и механизмов совместного реагирования на них. Все это должно быть зафиксировано и лежать в планшетах у военных. Чтобы в случае обострения было понятно, как и кто связывается друг с другом, что делать, а чего не делать ни в коем случае.

Первоочередной задачей является поиск способов снизить риски в сфере кибербезопасности. Это максимально трудная область взаимодействия, но она же может стать модельной, поскольку киберсреда впитала в себя многие современные особенности – асимметричность отношений, запутанность вопроса с атрибуцией действий, сложность технологий, отсутствие понятных границ. И именно поэтому к этому вопросу следует отнестись предельно серьезно, посвятив ему много усилий и времени. Пренебрежение чревато катастрофическими последствиями.

Во-вторых, несмотря на тенденцию к фрагментации, необходимо делать максимум для того, чтобы добиваться неделимости глобального развития – вовлеченности всего человечества в экономические и политические процессы и проекты, способствующие прогрессу каждого общества. Неделимое глобальное развитие предусматривает выработку политических механизмов во избежание острых противоречий между мерами, которые государства принимают на национальном уровне. Здесь важную роль следует отвести негосударственным игрокам – бизнесу и гражданскому обществу. Они меньше заражены национальным эгоизмом и больше привержены глобальной повестке. Неделимость глобальной безопасности и глобального развития может стать той общей ценностью, с которой согласятся все участники международной системы.

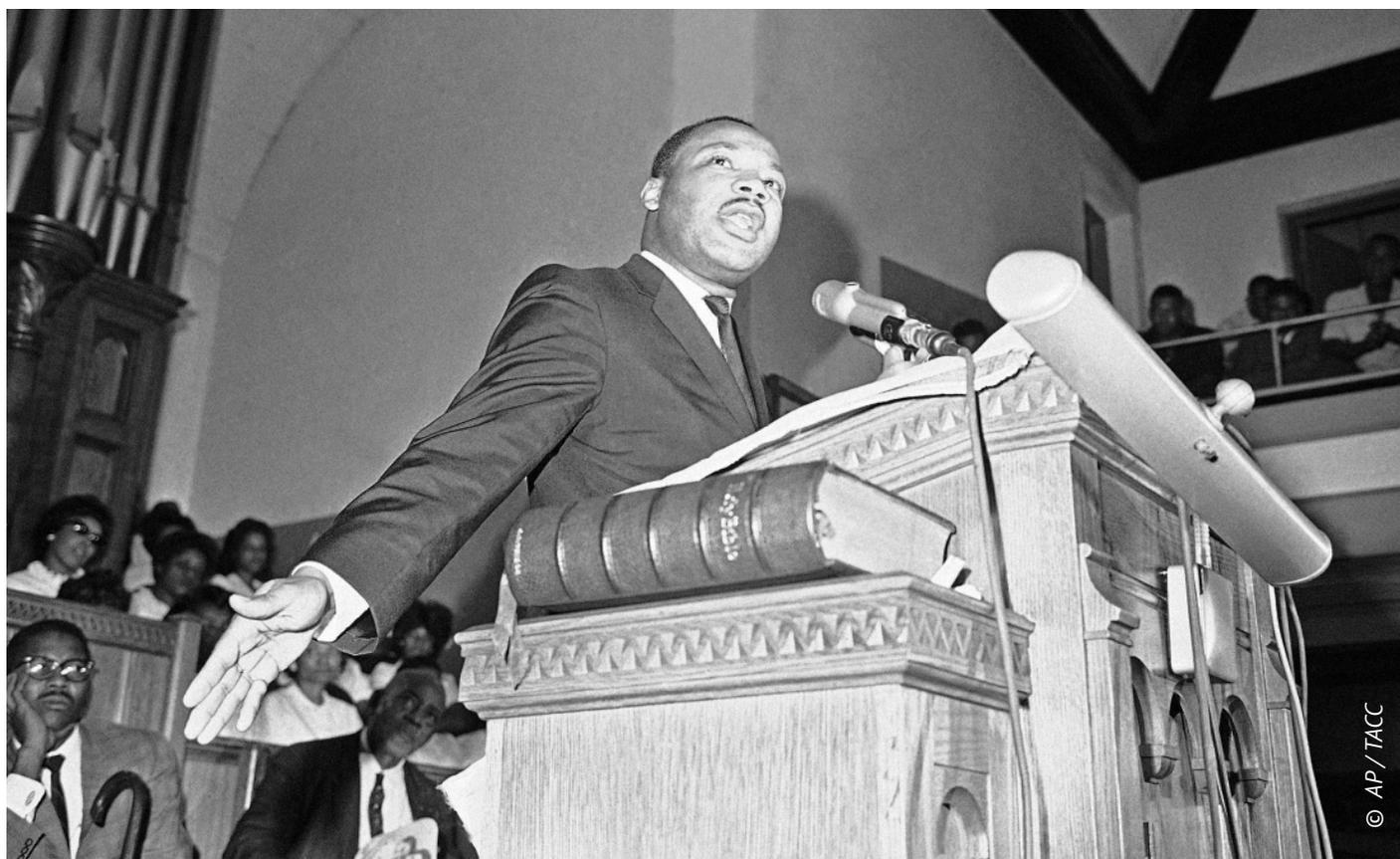
Неделимость и целостность развития не означает следования одной безальтернативной схеме. Так, будущее мировой экономики не должно зависеть от превратностей судьбы одной-единственной модели. Урок последних десятилетий состоит в том, что в случае системного кризиса основополагающей модели трясет весь остальной мир, особенно тех, кто глубоко интегриро-

ван с «ядром». Кстати, этот опыт подчеркивает потребность в разработке альтернативных форматов экономической интеграции, подходящих для стран с разным уровнем и качеством развития. Проекты в Евразии (Евразийский экономический союз, «Один пояс, один путь»), инициатива БРИКС+, Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство – шаги в верном направлении.

Частью решения стало бы относительное макрорегиональное размежевание в международной экономике и политике: мы предполагали такую возможность в предшествующих докладах. Так можно сократить количество и протяженность разделительных линий, по которым вероятно возникновение конфликтов. И поместить государства в институциональные рамки, что ограничит их националь-

ный эгоизм. А также сократить количество субъектов, которым на определенном этапе предстоит приступить к переосмыслению правил для «нового Вестфalia». Выстраиванию обновленной международно-правовой системы поможет учет лучших практик макро-региональных сообществ. Вообще, поскольку новая эпоха прорастает сквозь старую (а не начинается с ее полного крушения, как после мировой войны), свод правил, скорее всего, будет складываться из череды прецедентов, а не в результате всеобщего соглашения.

На пути к регионализации хватает препятствий. Сильна инерция универсализма. Некоторые центры силы не захотят ограничиваться региональными рамками. Трудно ожидать, что США замкнутся в Евро-Атлантике и уйдут из Азии (или наоборот). Вряд

Мартин Лютер Кинг выступает в церкви Риверсайд в Нью-Йорке, 4 апреля 1967 года

ли Китай привяжет сам себя исключительно к Азиатско-Тихоокеанскому региону – страна активна в Латинской Америке, Африке, Южной Азии, Евразии вплоть до ее западной оконечности. Россия не сочтет достаточным для себя полем действий постсоветское пространство, что очевидно при взгляде на Ближний Восток и активность Москвы там. Другой серьезный барьер – трудно добиться политической консолидации регионов, а без нее экономическая интеграция маловероятна. Противоречия во многих частях мира остры, и зачастую странам-соседям гораздо сложнее договориться по региональным вопросам, чем по глобальным. Яркий пример – Индия и Китай.

Но препоны не должны заслонить главного – насущной необходимости восстанавливать управляемость международной системы,

снижать риски и создавать условия для развития и роста.

Выступая пятьдесят лет назад в Нью-Йорке с призывом прекратить вьетнамскую войну и задуматься о глобальной ответственности Соединенных Штатов, Мартин Лютер Кинг говорил: «Подлинная революция ценностей означает... что наша лояльность должна скорее стать экуменической, чем местнической. Каждой нации предстоит прежде всего выработать понимание интересов человечества в целом, дабы сохранить все лучшее, что есть в каждом отдельном обществе». Его слова актуальны сейчас еще больше, чем в 1967 году. Ответственность за всеобщее – не отказ от частного, а напротив, способ сохранить и укрепить его. В эпоху расплывающегося эгоизма на фоне кардинально меняющегося мира забывать об этом нельзя.

Выступление Президента США Дональда Трампа на 72-й Сессии Генеральной Ассамблеи ООН, 19 сентября, 2017 года

ВОСПРИЯТИЕ УГРОЗ В МИРЕ

Наибольшую угрозу моей стране представляет (%)

Источник: Pew Research Center.

Индекс страхов россиян

Как Вы оцениваете вероятность появления следующих проблем в Вашей жизни?

*Индекс страхов показывает, насколько высокой кажется россиянам вероятность наступления той или иной проблемы. Измеряется в пунктах и может колебаться в пределах от -100 до 100. Чем выше значение индекса, тем более вероятным кажется россиянам наступление проблемы.

Источник: ВЦИОМ.

#Valdaiclub

 [ValdaiClubRu](#)

 [ValdaiClubRu](#)

ru.valdaiclub.com

valdai@valdaiclub.com

ISBN 978-5-906757-68-5

9 785906 757685

СОВЕТ ПО ВНЕШНЕЙ И ОБОРОННОЙ ПОЛИТИКЕ

Российский совет
по международным
делам

